

«Гривенник серебряный в кармане»¹

Слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает. Эта реальность в поэзии — слово как таковое.

Осип Мандельштам, «Утро акмеизма»

Речь пойдет о 4-й строке II строфы мандельштамовского стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» (май–сентябрь 1931; впервые опублик. 1961, на родине 1966):

Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильма воровской.

Строфа у всех на слуху, и некоторые ее интригующие реалии (*ключик от чужой квартиры* и *целлулоид фильма воровской*) убедительно прокомментированы² и поставлены в связь с общей темой стихотворения — амбивалентным приятием советской действительности в лице Москвы как своего рода «иллюзионистск[ого] представлени[я] всего мира»³. Меньше, насколько могу судить, повезло серебряному гривеннику, который, по-видимому, считается самоочевидной деталью и вполне прозрачным словесным оборотом и потому не требует особых комментариев. Однако в свете общих представлений о поэтическом слове и специфически мандельштамовского взгляда на природу Логоса к этой строчке имеет смысл присмотреться внимательнее.

Ее простой — выражаясь языком Мандельштама, «сознательный»⁴ — смысл ясен: небольшого достоинства монетка обещает поэту скромные, но дорогие ему блага, обеспечивающие хрупкую, но драгоценную символическую связь с миром в духе тоски по мировой культуре. Не пускаясь в систематический анализ трактовок Мандельштамом денег вообще и старых и новых монет в частности,⁵ зададимся более целенаправленным вопросом: какие именно услуги с каким именно семанти-

- ⁶ Чуковский К. И. Зоценко // Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5./ Сост., коммент. Е. Ц. Чуковской. М., 2001. С. 414. Ср. с описанием, по-видимому, этой же встречи в повести «Перед восходом солнца»: «Мне почему-то совестно было подойти к нему. Но он сам окликнул меня. Окликнул громко, по фамилии. Смеясь и хихикая, он стал говорить, сколько он зарабатывает в день<...>Я отдал поэту почти все, что было в моих карманах<...> Через час я снова проходил по этой же улице. К моему удивлению, поэт по-прежнему стоял на углу и, кланяясь, просил милостыню». (Зоценко М. М. Перед восходом солнца// Зоценко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 7./Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 236–237.).
- ⁷ Ср. письмо М. Зоценко к Е. Журбиной от 27 марта 1931 г.: «Ну как же со статьей? <...> Третий месяц пошел, дорогая Евг. Ис.! Очень Вы меня огорчаете этим делом. Я бы, конечно, не торопился, но к лету без этого могу остаться без денег. Стану тогда, как Тиняков, у подъезда Вашего дома с протянутой рукой». (Журбина Е. Пути исцеления // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 167).
- ⁸ Зоценко М. М. М. П. Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине)// Зоценко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3./Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 315.
- ⁹ Дело № П-17349. Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти. Цит. по интернет-публикации Г. А. Морева: <http://kritmassa.livejournal.com/2605.html>.
- ¹⁰ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969. В 2 т. Т. 2. / Подг. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской, вступ. ст. В. Каверина. М., 2003. С. 6.
- ¹¹ Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах//Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 16.
- ¹² РО ИРЛИ. Ф. 506. Оп. 3. Д. 406. Л. 4, 4 (об), автограф. В публикации сохранены особенности орфографии и пунктуации оригинала.
- ¹³ Тиняков был арестован за нищенство и публичное чтение контрреволюционных стихов 27 августа 1930 года, 11 ноября осужден на три года лагерей. В Ленинград вернулся в 1933 г. (Кузмин М. Дневник 1934 года. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Г. А. Морева. СПб., 2007. С. 233). См. также дневниковые записи А. Тинякова от 8 и 15 июня 1930 г.: «8 июня <1930>. Троица. 4 июня поссорился с женой и запил. Попал в милицию за “агитацию” в папиросной очереди. 15 июня <1930>, утро. Тревожусь по поводу ответственности за “агитацию”». Цит. по интернет-публикации Г. А. Морева: <http://kritmassa.livejournal.com/2993.html>.
- ¹⁴ 11 октября 1928 г. А. И. Тиняков женился на Марии Николаевне, урожд. Левиной (Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах. //Литературное обозрение. –1992. № 1. С. 16.).
- ¹⁵ Ср. с просьбой А. Тинякова к Б. Садовскому, 11 ноября 1913 г.: «Не изменили ли Вы мыслей Ваших относительно смокинга? Извините за вопрос, но обносился удовлетворительно» (Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах. //Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 21).

Гривенник, 1923

ческим ореолом могли подразумеваться в качестве доступных за гривенник?

1. Покупательная способность гривенника (ок. 1931)

Баня. Судя по знаменитому зощенковскому рассказу, на эту сум-

му можно было с грехом пополам помыться:

«Конечно, читатель может поленопытствовать: какая, дескать, это **баня**? Где она? Адрес? Какая **баня**? Обыкновенная. Которая **в гривенник**» («Баня», 1925).

Трамвай. Гривенник в 20–30-е годы могла стоять и поездка на трамвае,⁶ ср.:

«Сел Тимофей Васильевич в **трамвай**, **вынул гривенник**, хотел подать **кондуктору**, только глядит — что такое? Личность **кондуктора** будто очень знакомая. Посмотрел Тимофей Васильевич — да! Так и есть — Серёга Власов собственной персоной в трамвайных **кондукторах**. Тимофей Васильевич повертел **гривенник** в руке и **сунул его в карман**» (Зощенко, «Не надо иметь родственников», 1924; по ходу сюжета выясняется, что плата зависит от количества остановок).

«— Ты что же полуночничаете? Где шатался?

— Я вышел погулять... Потом сел не на тот **трамвай**. Потом у меня не было **гривенника**, я шел, да и немного заблудился.

— Ой, ты без **гривенника на трамваях** никогда не ездил? — проворчал дядя» (Гайдар, «Судьба барабанщика»; 1938).

«...этот странный кот подошел к подножке моторного вагона “А”, стоящего на остановке, нагло отсадил взвизгнувшую женщину, уцепился за поручень и даже сделал попытку **всучить кондукторше гривенник** через открытое по случаю духоты окно <...>.

При первом же окрике кондукторши он прекратил наступление, снялся с подножки и сел на остановке, потирая **гривенником** усы. Но лишь кондукторша рванула веревку и **трамвай** тронулся, кот поступил как всякий, кого изгоняют из **трамвая**, но которому все-таки ехать-то надо. Пропустив мимо себя все три вагона, кот вскочил на заднюю дугу последнего, лапой вцепился в какую-то кишку, выходящую из стенки, и укатил, сэкономив, таким образом, **гривенник**» (Булгаков, «Мастер и Маргарита», 1940/1967).

Трамвай был любимым мотивом Мандельштама; появляется он и в «Еще далёко...»: *Люблю разъезды скворчащих трамваев*. А сочетание

трамвая с гривенником есть у него в детском стихотворении «Мальчик в трамвае» (1926; опубл. 1971, на родине 1984):

Однажды утром сел в трамвай / Первоступенник-мальчик. / Он хорошо умел считать / До десяти и дальше. / И вынул настоящий / Он гривенник блестящий. / Кондукторши, кондуктора, / Профессора и доктора / Решают все задачу, / Как мальчику дать сдачу. / А мальчик сам, / А мальчик всем / Сказал, что десять минус семь / Всегда выходит три. / И все сказали: повтори! / Трамвай поехал дальше, / А в нем поехал мальчик. (таким образом, в 1926 г. поездка стоит всего 7 копеек).

Кино. За гривенник можно было сходить в кино, ср.:

«<...М>ассы, которые платят за кинематографические штучки, — <...> многодесятимиллионная масса тех же текстильщиков, вузовцев, которые платят по **гривеннику** и создаются миллионы» (Маяковский, выступление на диспуте «Пути и политика Совкино» 15 октября 1927 г.; Полн. собр. соч., т. 12, с. 358).

«11-я — Галановская — школа запомнилась <...> кинотеатром «Октябрь» (до 1939 г. — «Яналиф»): сбежав с урока, можно было всего за **гривенник посетить киносеанс**. Из-за одних только «Волочаевских дней» [1937 — А. Ж.] несколько раз прогуливал уроки — очень уж нравилось, как за последним вагоном с уезжавшими японцами волочилась привязанная метла» (А. Черкашин, «Детство сибиряка», журнал «Уфа», № 3 (76) март 2008; <http://www.journal-ufa.ru/index.php?id=608&num=76>).

Однако, как можно понять из одного стихотворения Симонова, цена билета могла быть и вдвое выше:

Но в детстве можно всё на свете, / И за двугривенный в кино / Я мог, как могут только дети, / Из зала прыгнуть в полотно («Тринадцать лет. Кино в Рязани...», 1941).

Тринадцать Симонову (1915–1979) было в 1928-м. Возможно, впрочем, что он несколько архаизировал свое детство, — двугривенный кино могло стоять до революции, ср.:

«Чтобы она меня выдрала? Никогда еще не драла. В чулан один раз заперла, а потом весь следующий день пирожками кормила и **двугривенный на кино** дала. Хорошо бы эдак почаще!» (Гайдар, «Школа», 1930, гл. 1; действие начинается в Арзамасе во время Первой мировой войны)⁷.

Кроме того, разброс цен мог объясняться географией (Москва–Уфа–Рязань), а, главное, социальным положением зрителя, ср.:

«Самая нужная в городе была — профсоюзная книжка; в лавках было две очереди — профкнижников и не имеющих их; лодки на Волге на прокат были для профкнижников — **гривенник**, для иных прочих — сорок копеек в час; **билеты в кино** для иных — двадцать пять, сорок и шестьдесят копеек, про-

фкнижникам — пять, **десять** и пятнадцать» (Пильняк, «Красное дерево», 1929).

Играли роль и другие параметры: тариф на детские и утренние сеансы, на плохие места и в более скромных сельских клубах был всего 10 копеек, а на вечерние сеансы в хороших городских кинотеатрах — 20 коп. и выше.

Так или иначе, кино, периодически появляющееся в стихах Мандельштама (и до, и после 1931 г.), фигурирует в непосредственно следующей строке «Еще далёко...»; не исключено, что мотивировкой ассоциации послужила стоимость билета.

И общественная баня, и, тем более, трамвай и кино могут восприниматься в качестве средств связи с миром, ср., например, концовку мандельштамовского стихотворения 1924 г., своего рода прототипа «Еще далёко...»:

После бани, после оперы, — все равно, куда ни шло, — / Бестолковое, последнее трамвайное тепло! («Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...»).

Телефон. Еще органичнее эта роль для телефона-автомата, который в 30-е гг. тоже приводился в действие гривенником⁸. Ср.:

«Филюрин носил в карманах множество мелких железных кружочков, которые опускал в **автоматы вместо гривенников**» (Ильф и Петров, «Светлая личность», 1928).

*Вы встречали — / По городу ходит прохожий, / Вероятно, приезжий, на нас непохожий? / То вблизи он появится, то в отдаленье, / То в кафе, то в почтовом мелькнёт отделенье. / **Опускает он гривенник в щель автомата,** / Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата (Л. Мартынов, «Замечали...?», 1935).*

Телефон-автомат 1930-х годов (современная реплика)
<http://www.livejournal.ru/themes/id/7228>

«Равнодушный продавец бросал сдачу на мокрую жёсть прилавка. Тубачевский выбрал **гривенник** и спросил, где **автомат**. Он нашел **автомат** в маленьком коридоре, который соединял уборную с кухней и воял той и другой. Пьяные голоса доносились из общего зала, и он несколько раз ошибся, думая, что это отвечает станция. Мужской голос ответил наконец» (Каверин, «Исполнение желаний», 1936; гл. 4 — действие происходит в 1928 г.).

*Я простую монету — **гривенник никелевый** / Подымаю с белесых камней. / Я за этот **гривенник**, до дыры не протертый чуть, / Отдам коль не жизнь, так треть ее... / Черные вороны клюются в грудь — / Первая, вторая, третья. **Автомат** зарычал, как тигр простуженный, / А сердце стучит в микрофона щёлки. / **Телефон** привык монетами ужинать, Рыгает в ухо, плюет и щелкает. / Сквозь треск и рычание тебя услышу я, / Как ты упрямо говоришь «нет», — / Далек за домами, за ржавыми крышами, / В лицо, в глаза прокричала мне! (А. Дьяконов, «Телефон», 1936, — юношеское стихотворение погибшего молодым младшего брата И. М. Дьяконова)⁹.*

В «Еще далёко...» телефон, подобно трамваю¹⁰, называется и впрямую, правда, это не автомат, а домашний телефон:

*Я, как ценок, кидаюсь к **телефону** / На каждый истерический звонок: / В нем слышно польское: «Дзенькуе, пани», / Иногородний ласковый упрек / Иль неисполненное обещанье¹¹.*

2. Гривенник как мифологема

Вводя в текст гривенник, Мандельштам не изменяет своему страстию к литературности — обычаю работать с образами, уже получившими словесную обкатку и несущими определенный набор культурных коннотаций. Беглый просмотр по интернету позволяет установить изрядное число эмблематических употреблений этого слова, в том числе в заглавиях, и относительную устойчивость значений гривенника как своего рода мифологемы.

Мобильность. Гривенник начал чеканиться с 1701 г., в поэзию проник по крайней мере к началу 1830-х гг., в частности в качестве стандартной таксы за транспортные услуги¹². Ср.:

*Он перевозчика зовет — / И перевозчик беззаботный / Его за **гривенник** охотно / Через волны страшные везет (Пушкин, «Медный всадник», 1833/1837).*

*«Подколесин <...> (Становится на окно и <...> соскакивает на улицу <...> Ох! однако ж высоко! Эй, извозчик!
Голос извозчика. Подавать, что ли?
Голос Подколесина. На Канавку, возле Семеновского мосту.
Голос извозчика. Да **гривенник**, без лишнего.
Голос Подколесина. Давай! пошел! (Слышен стук отъезжающих дрожжек)» (Гоголь, «Женитьба», 1833–1835/1842).*

Жадность. В качестве литературного заглавия гривенник был зафиксирован не позднее 1860 г.

Сюжет рассказа «Гривенник. *Неправдоподобное событие*» Л. А. Мея¹³ состоит в том, что его герой, «маленький человек», находит на улице

гривенник, надеется, что тот принесет ему счастье, отказывается его отдать, подарить или потратить, и жадность в конце концов приводит его к гибели.

Эта тема губительности гривенника как малой, но, тем не менее, значащей суммы, становящейся роковым воплощением жадности, в дальнейшем была подхвачена Зоценко, ср. его рассказ «Верная примета» (1924):

На именины жена хозяина «крендель этакий огромный спекла <...> **Гривенник** серебряный в нем запечен. Кому <...> **гривенник** достанется, тот и есть самый счастливый человек на свете». Один из гостей съедает кусок за куском, «хозяин даже резать не поспевает. Съел он одиннадцать кусков, на двенадцатом — стоп!

— Угу, говорит, тут, кажется, **гривенник** <...>

Сунул <...> палец в рот — вытащить хотел, да от радости <...> вдохнул внутрь и поперхнулся. И **проглотил гривенник** <...>

Попил водички, пришел в себя и тоже смеяться начал.

— Хотя, говорит, я и **проглотил гривенник**, но все-таки счастье ко мне обернулось. Попрет мне теперь в жизни.

Но Петровичу не поперло. К вечеру он заболел и через два дня помер в страшных мучениях».

Собственно, на неспособности расстаться с гривенником построен и уже упоминавшийся рассказ «Не надо иметь родственников»:

Тимофей Васильевич несколько раз **вынимает гривенник из кармана**, но каждый раз кладет обратно, считая невозможным платить родному племяннику, который в конце концов вынужден ссадить его с трамвая (то есть покончить с ним и как с пассажиром, и как с родственником).

Подачка, нищенство. Интенсивно отрицательную трактовку гривенника находим в рассказах Горького, у которого этот мотив был столь навязчивым, что он с интервалом в 20 лет дважды разработал его более или менее сходным образом.

Юный герой-босьяк встречает на опушке леса женщину необычайной красоты, смотрит на нее с восхищением, а она, проходя, **подает ему гривенник** («Гривенник. Эпизод из жизни одного романтика», 1896)¹⁴.

Юный подмастерье встречает в кругу своих вульгарных хозяев и их жен их замужнюю родственницу, восхищается ею, полагает ее чистым созданием, выражает ей свои романтические чувства, мечтает на Пасху похристосоваться — поцеловаться — с ней, она же равнодушно **одаряет его гривенником**, и он сразу разлюбливает ее («Гривенник», 1916)¹⁵.

Здесь выдача гривенника представлена в черном свете: своей низкой материальностью он принижает полет чувств героя. Горький использует и насыщает отрицательным зарядом важную составляющую

символики гривенника — его социальную роль как типовой милостыни, подачки, чаевых. Так, на чай просят гривенник у героя рассказа Мея. Ср. еще:

«В тот день она как-то счастливо встала; на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам), — и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами **гривенник**» (Тургенев, «Муму», 1854).

«Он приставал к кому попало, и те, кто нравом помягче, давали ему двугривенные и **гривенники**, которые он тотчас же неукоснительно **пропивал**» (Лесков, «Загон», 1893).

«Впоследствии прислуга показывала, что приходил он в гостиницу поздно и как будто под хмельком, но всегда аккуратно давал швейцару, отворявшему двери, **гривенник на чай**» (Куприн, «Штабс-капитан Рыбников», 1905).

*Нет, нет! Не пойду навеки! / За то, что какая-то мразь / **Бросает солдату-калеке / Пятак или гривенник в грязь*** (Есенин, «Анна Снегина», 1925; время действия, по-видимому, середина 1917 г.).

«Дети в Хитровке были в цене: их сдавали с грудного возраста в аренду, чуть не с аукциона, **нищим** <...> Ребенок <...> стонал от холода, голода и постоянных болей в желудке, вызывая участие у прохожих к «бедной матери несчастного сироты» <...> На последней неделе великого поста грудной ребенок «покрикастее» ходил по четвертаку в день, а трехлеток — по **гривеннику**. Пятилетки бегали сами и приносили тяткам, мамкам, дяденькам и тетенькам **«на пропой души» гривенник**, а то и пятиалтынный» (Гиляровский, «Москва и москвичи», 1926, глава «Хитровка»; возможно, отсюда сюжет зоценковской «Няни», 1929, где, однако, размеры милостыни не уточняются).

«Очень часто человек, получая сверток, давал целый **гривенник “на конку”**. Ух, как жутко и весело было идти по такому поручению!» (Катаев, «Белеет парус одинокий», 1936, гл. 30; жизнь описывается дореволюционная, поручения — подпольные; отметим «транспортную» мотивировку чаевых).

«Иосиф Карлович полез в подкладку своего ужасного пиджака, порылся и подал Гаврику **гривенник**:

— Прошу вас, возьмите себе **на конфеты**. К сожалению, больше ничего не могу вам предложить <...>

Гаврик серьезно и просто взял **гривенник**, поблагодарил и вышел на улицу» (там же, гл. 34).

Реалистическое изображение подобной практики Горький и скрестил с любовной коллизией, рассказав ее от лица получающего подачку бедняка-романтика¹⁶. Отчасти сходный сюжет был в дальнейшем подхвачен одним из литературных питомцев Горького, но решен в более амбивалентном ключе.

Нищие молодые супруги просят еды и ночлега у немца-колониста; тот отказывает, советуя работать, и узнав, что они актеры, предлагает им спеть.

«Я пропел.

— О-о... карашо... — сказал немец. Достал **кошелек, порылся в нем и протянул мне новенький блестящий гривенник.**

Я повернулся и пошел. **Гривенник** со звоном покотился по ступенькам. Жена догнала меня уже на тракте. Поравнялась и показала на ладони **новенький гривенник.**

— Брось! — сказал я.

— Нет, зачем же? Ничто так не украшает жизнь, как воспоминания. Это, кажется, немецкая поговорка...» (Вс. Иванов, «Гривенник. Рассказ»; дата написания неясна; время действия — около 1917 г.)¹⁷.

Достоинства. Отмеченные выше негативные составляющие мифологемы «гривенник»¹⁸ для Мандельштама скорее нерелевантны, — важнее некоторые положительные ее аспекты. Среди них:

1) самый факт, что гривенник — это малая, однако не пренебрежимо малая монетка, самая скромная из серебряных, но превосходящая своим достоинством все медные¹⁹;

2) то, что это маленький, физически и коммерчески, предмет, способный, однако, оказаться мощным экзистенциальным фактором (ведущим к смерти, любовной драме и т. п.), чем, в частности, объясняется его жанровая пригодность в качестве сюжетного стержня и эмблематического названия рассказов²⁰;

3) что это типичная подачка бедняку/нищему, с каковым Мандельштам мог охотно идентифицироваться в 30-е гг., ср. в «Еще далёко...» строчку *У всех ларьков облизываю губы*, а также тот контекст «чужого» и «воровского», в котором появляется занимающая нас предположительно «нищенская» строка²¹; и наконец,

4) что обычно осуждаемое придерживание гривенника могло осмыслиться поэтом и позитивно — как наслаждение пусть скромными, но тем обостреннее лелеемыми нерастраченными возможностями.

Сохранность. То, что гривенник описывается как находящийся у лирического героя **в кармане**, напоминает о характерном мандельштамовском предпочтении, отдаваемом возможности, иной раз иллюзорной, перед реальным действием. Ср., например, стихотворение «“Морожено!” Солнце. Воздушный бисквит...» (1914), где возделенный выбор мальчишкой так и не делается (*И боги не ведают, что он возьмет...*).

Подобные предпочтения опираются на известный архетипический мотив неистраченности/неразменности денег, воплощающий амбивалентную тему финансового могущества нищего героя.

Сюжет с сохранностью денег (иногда волшебной) разрабатывался Лесковым — в рождественском рассказе «Неразменный рубль», 1883²², а также Марком Твенном — в «The One Million Pound Note» (1893; рус. перев. «Банковский билет

в 1 000 000 фунтов стерлингов»). По ходу сюжета бедняк, располагающий огромной суммой, которую он по условию не имеет права тратить, получает прозвище «Миллион **в кармане**» («vest-pocket million-pounder»).

Твенновская неразменность миллиона комически обыграна Зошенко в рассказе «В трамвае» (1936), где пассажир пытается увильнуть от оплаты проезда, предъявляя «крупную купюру» (три червонца), с которой у кондуктора нет сдачи, но в конце концов вынужден заплатить (кстати, не гривенник, а 15 копеек — ввиду то ли произошедшего к 1936 г. подорожания билетов, то ли большей дальности поездки).

Амбивалентная, но прочная связь *гривенника* с *карманом* опирается на фразеологическую ассоциацию от противного — «отрицательную» идиому *без гроша в кармане* и аналогичные литературные контексты, ср.:

О деньги, деньги! для чего / Вы не всегда в моем кармане? (Языков, «Элегия», 1823).

В руках была палка предлинная, / Котомка пустая на ней, / На плечах шубенка овчинная, / В кармане пятнадцать грошей. / Ни денег, ни званья, ни племени, / Мал ростом и с виду смешон, / Да сорок лет минуло времени — / В кармане моем миллион! (Некрасов, «Секрет. Опыт современной баллады», 1851).

Идти пешком / (из Лондона в Сахару Не возят даром молодых людей, — / В моем кармане — хоть кататься шару. / И я живу в кредит уж много дней) (Вл. Соловьев: «Три свидания», 1898).

На полках хлеб и тирожки, / В витринах шубки и игрушки, / А я сжимаю кулаки, / И нет в кармане ни полушки (Лебедев-Кумач, «Лишние рты. Монолог зарубежной работницы», 1934).

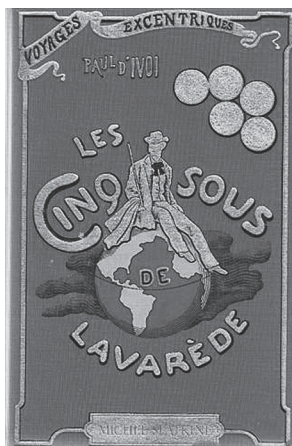
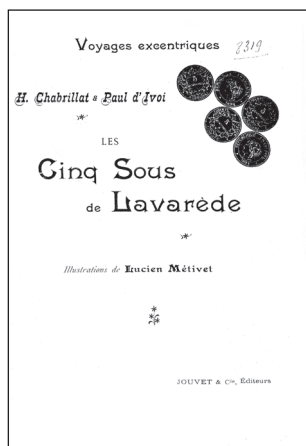
Кругосветность. Особенно близка мандельштамовской установке на связь с миром была, конечно, транспортная ветвь коннотаций гривенника, но уже не в ее «малокаботажном» городском варианте, а в глобальном, обращенном к всемирным горизонтам, — как в программном финале «Адмиралтейства» (1914): *И вот разорваны трех измерений узы / И открываются всемирные моря*. Ср. выше «Три свидания» Соловьева, где пустой карман тем не менее ведет *из Лондона в Сахару*, а также показательный текст Аркадия Гайдара (1904–1941):

«Довез меня пароход до Сочи, а оттуда я прямо на станцию к кассиру <...> Вывалил <...> ему на подоконник всю наличность <...>

— Будьте настолько любезны, докуда этой суммы хватит, дотуда и дайте <...>

— Ежели сюда добавить **гривенник**, то как раз без плацкарты до Баку <...>

Загудел паровоз, зашипел, и я <...> поехал в жестком вагоне <... И> в голову пришла мне замечательная идея <...>: а что, если забыть про свою литературную профессию и попробовать прожить до конца лета просто так? Как же я в любом рассказе могу описать **путешествия вокруг света с гривенником в кармане**, и все как по линейке выйдет, то есть доберется человек до цели не померши и даже с интересными приключениями?» («Пути-дороги», 1926)²³.

Титульный лист книги:

Les cinq sous de Lavarède. Par H. Chabrilat & Paul d'Ivoi. Ouvrage illustré par Lucien Métivet et accompagné d'une carte. Paris, Librairie Furne, 1894
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5489234f.r=lavarede.langFR>
 и обложка факсимильного переиздания швейцарским издателем Michel Slatkine, 1982

Рассказа Гайдара Мандельштам мог не заметить, но девиз «вокруг света с гривенником в кармане» должен был быть смолоду знаком и ему. В 1908 г., в 4-м номере журнала «Природа и люди. *Иллюстрированный журнал науки, искусства и литературы*» появился, в переводе с французского, роман Анри Шабрийя (Chabrilat, 1842–1893) и Поля д'Ивуа (D'Ivoi; 1856–1915)²⁴ «Вокруг света с гривенником в кармане» (1894), — очевидное подражание «Вокруг света за восемьдесят дней» Жюль Верна (1872)²⁵. Французский оригинал, вышедший в 1894 г., назывался: «Les cinq sous de Lavarède», то есть в буквальном переводе «Пять су [= пятаков] Лавареда»²⁶.

Герою романа, 35-летнему журналисту Арману Лавареду, по завещанию богача-кузена отходит многомиллионное состояние, но с условием, что за год он сумеет объехать вокруг света всего лишь с пятью су в кармане²⁷, в русском переводе — с гривенником: «Лаваред должен отправиться из Парижа с гривенником в кармане, как вечный жид. И, подобно ему, с этими деньгами объехать вокруг света» (гл. 1, «Духовное завещание кузена Ришара»; См.: изд. 2008 г. М.: 2008, с. 9)²⁸.

Лаваред справляется с бесконечными трудностями и кознями двух все время возникающих на его пути противников, да еще и завоевывает любовь прекрасной англичанки. Дважды ему приходится пустить свои пять монеток в ход.

Первый раз — чтобы, не расставаясь с ними, обратить их в целый доллар путем ловкого уличного трюка: «Потом он вынул из кошелька медные монеты,

составлявшие весь его багаж, и разложил их извилистой линией на платке <...> Опыт кончен; вы видите, с помощью гривенника я добыл себе доллар!» (гл. 11, «Фриско»; с. 117–118); приобретенный доллар тратит не он. Второй раз — в порядке единственной разрешенной по условию траты — на посылку нотариусу доказательств, что больше он ничего не тратил: «Я имею право истратить гривенник. Это цена почтовой марки, следовательно, ничто не мешает мне отправить мое письмо Панаберу» (гл. 29, «Франция!»; с. 300).

Однажды в Китае он своих пяти су (в переводе — гривенника) вместе с остальными пожитками лишается, но, оказавшись на территории Российской империи — в Чарджоу²⁹, он возвращает себе эту дозволенную сумму, преподнося начальнику вокзала, лейтенанту Михаилу Карину, экзотический тибетский нож, и принимая от него ответный дар: «Я понимаю вас, — заметил Лаваред, — дарить нож другому неудобно. Но сделаем по нашему обычаю: дайте мне в обмен монету! Мне не много нужно — всего семь копеек, то есть двадцать восемь сантимов» (гл. 25, «Закаспийская железная дорога»; с. 250; заметим, что, значит, тогдашний гривенник был равен не 25 сантимам, а 40).

Совершив кругосветное путешествие за год минус один час (с 25 марта 1891 по 25 марта 1892), герой получает завещанные миллионы и руку любимой.

Эта сюжетная конструкция, делающая неистраченный гривенник в кармане острым совмещением бедности, богатства и досягаемости буквально всего света, могла многое говорить Мандельштаму на рубеже 30-х гг. Тем более, что свое путешествие Лаваред совершает в первый год жизни Мандельштама.

Блеск. В «Мальчике в трамвае» Мандельштам обращает на себя внимание акцент (естественный в стишке для детей) на блеске монетки, подразумеваемом, кстати, и в «Еще далёко...»: как *блестящий*, так и *серебряный* гривенники относятся к излюбленному Мандельштамом семантическому полю маленьких, ярких, завораживающе привлекательных существ и предметов, ср. хотя бы строки:

*Шестого чувства крохотный придаток / Иль ящерицы теменной глазок, /
 Монастыри улиток и створчаток, / Мерцающих ресничек говорок* («Восьмистишия», 1932).

При этом, в контексте уменьшительного *ключика*, и *гривенник*, с его сходным, хотя и не синонимичным, окончанием *-ик*, обретает, как это часто бывает у Мандельштама, ласкательные обертоны³⁰. А звонкость монетки изящно оркестрована держащей всю строку аллитерацией *ГРВНН — РБРН — КРМН*.

Заметим, что в «Еще далёко...» (1931) фигурирует *серебряный* гривенник, а в стихотворении, приводимом Дьяконовым (1936) — *никелевый*. Цвет, конечно, тот же, серебристый, но откуда разница в эпитетах? Имел ли Мандельштам в виду только цвет, каковой он словесно повысил в ценностном ранге, или же и сам металлический состав?

Список сокращений

- Горелик 2006 — *Горелик Л.* «Таинственное стихотворение “Телефон”» О. Мандельштама // Изв. РАН, Сер. литературы и языка, 65, 2, 2006. С. 49–54.
- Горнунг 2008 — *Горнунг М. Б.* «Не тот гривенник!» // Он же. Зарницы памяти. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 33–35.
- Левинг 2005 — *Левинг Ю.* Pro captu lectoris: Факультет нужных вещей М. Л. Гаспарова // Новое литературное обозрение 73, 2005. С. 155–162; <http://magazines.russ.ru:80/nlo/2005/73/le13.html>
- Лекманов 2008 — *Лекманов О.* «Я к воробьям пойду и к репортерам...». Поздний Мандельштам: портрет на газетном фоне // Toronto Slavic Quarterly, 25, 2008; <http://www.utoronto.ca/tsq/25/lekmanov25.shtml>
- Лесков 1994 — *Лесков Н.* Русские демономаны. Повести и рассказы / Сост. и примеч. А. А. Шелаевой. СПб: Северо-Запад, 1994.
- Мандельштам 1967 — *Мандельштам О.* Собр. соч. В 3-х тт. / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Изд. 2-е. Вашингтон: Междунар. лит. содр., 1967. Т. 1. Стихотворения.
- Мандельштам 1990 — *Мандельштам О.* Соч. В 2-х тт. / Сост. П. Нерлера; комм. А. Михайлова и П. Нерлера. М.: Худ. лит., 1990.
- Мандельштам 1994 — *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4-х тт. / Сост. П. Нерлера и А. Никитаева. Т. 3. Стихи и проза 1930–1937. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994.
- Мандельштам 1995 — *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений / Сост. и прим. А. Г. Меца. СПб: Акад. проект, 1995.
- Мандельштам 2001 — *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза / Сост. и комм. М. Л. Гаспарова. М: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.
- Панова 2003 — *Панова Л.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Постоутенко К. 2003. Die Geburt des Rubels aus dem Geist des Platonismus // Wiener Slawistischer Almanach 49. S. 75–91.
- Тименчик 1987 — *Тименчик Р.* К символике трамвая в русской поэзии // Труды по знаковым системам. 21. Тарту: ТГУ, 1987. С. 155–163.
- Тименчик 1988 — *Тименчик Р.* К символике телефона в русской поэзии // Труды по знаковым системам. 22. Тарту: ТГУ, 1988. С. 135–143.
- Цивьян 1991 — *Цивьян Ю.* Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991.

Примечания

- ¹ За обсуждение и подсказки я признателен Г. А. Барабтарло, М. Безродному, Н. А. Богомолу, А. А. Долинину, Юрию Левингу, О. А. Лекманову, А. Л. Осповату, Л. Г. Пановой, Ю. Г. Цивьяну, Дитриху Циммеру и Н. Ю. Чалисовой.
- ² См. *Мандельштам 1990*: 515, *Мандельштам 1995*: 585, *Мандельштам 2001*: 651, *Лекманов 2008*.
- ³ *Горелик 2006*: 52–54.
- ⁴ *Мандельштам 1990*, 2: 142.
- ⁵ На эти темы см., например, *Панова 2003*: 671–672, *Левинг 2005*.

Дело, оказывается, в том, какие гривенники имели хождение в соответствующие исторические моменты. Год написания мандельштамовского стихотворения был в этом отношении переломным.

Первый гривенник (гривна) был выпущен в 1701 г. В царской России чеканился из серебра, весил около 2 г. В послереволюционной России чеканился из серебра 500 пробы в 1921–1931 гг., и из медно-никелевого сплава в 1931–1991 гг. С 1997 г. выпускается из латуни³¹.

В 1930 г. была прекращена чеканка серебряных гривенников, и с 1931 г. гривенники чеканились из медно-никелевого сплава³². В 1935 г. никелевым монетам дали другой рисунок, и в таком виде они ходили до 1961 г.³³

Соблазнительно думать, что в 1931 г., в кармане у поэта еще водился настоящий, «с раннего времени», ностальгически полновесный серебряный гривенник, хотя вокруг в ходу были уже медно-никелевые³⁴. Тем слаще было его не трогать, а хранить как еще один драгоценный — почти золотой — ключик, еще одну воображаемую гарантию связи с ускользающим миром.

* * *

Как видим, за обманчиво «скромной внешностью» строчки про *гривенник серебряный в кармане* скрывается многослойный набор смыслов: мелкая, но экзистенциально значащая денежная единица; блестящая маленькая монетка, обладающая огромным, тревожно оберегаемым потенциалом, отечественная, но с захватывающими иностранными и мировыми коннотациями; сокровище бедняка, практически нищего; незаконный, но, тем более, дорогой пропуск в жизнь, к банному и трамвайному теплу; символический волшебный ключ к кинозрительской, телефонной и транспортной связи с миром Москвы и далее со всем светом; заветный талисман, аккумулировавший память о быте и литературе прошлого.

Гривенник, 1915

Может быть, не «чудовищно», но вполне основательно «уплотненная реальность».

- ⁶ О трамвайном топосе см. *Тименчик 1987*.
- ⁷ Согласно *Цивьян 1991* (40–46), в 1910-е гг. цена на билет в кино была различной в зависимости от степени «роскошности» кинотеатра и категории «мест». В так наз. «роскошных кинотеатрах центра» расценки колебались от 1 рубля до примерно 30 коп., причем детям и учащимся делалась 50%-ная скидка (или специально указывалась цена детских мест, в одном случае — 22 коп.). Гривенник же стоили услуги гардероба: «За хранение верхнего платья 10 коп. *Снимать верхнее платье не обязательно*» (афиша петербургского [кино] театра «Сатурн», 1910; *Цивьян 1991*: 43).
- ⁸ Первые таксофоны (8 кабин) были установлены в Москве в 1903 г. Вызов станции вращением ручки индуктора был возможен только после оплаты разговора. Автомат предназначался для серебряных монет в 10 и 15 коп. (1905 г.). В 1910 г. появился телефонный автомат, который был снабжен счетчиком числа разговоров и предназначался исключительно для медных монет в 5 копеек. В середине 1920 г. в черте города действовали уже 93 телефона-автомата (<http://www.mgts.ru/articles/3413/material>).
- ⁹ См. *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб: Европейский Университет, 1995. С. 351. Ср., между прочим, ту же российскую терминологию в гл. 5 «Дара» Набокова (1937) применительно к происходящему в Берлине во второй половине 1920-х: «Всего **гривенник** в кармане, и надо решить: позвонить — все равно значило бы лишиться себя трамвая, но позвонить впусую, т. е. не попасть на самое Зину (звать ее через мать не допускалось кодексом), и вернуться пешком, было бы чересчур обидно. Рискну. Он вошел в пивную, **позвонил**...» Согласно Дитриху Циммеру, немецкому комментатору Набокова, с 1923 г., проезд на берлинском трамвае стоил 15 пфеннигов, то есть к *монетке в 10 пфеннигов*, на разговорном языке — *Groschen*, по-набоковски — *гривеннику*, пришлось бы добавить еще *пятак* (Sechser). Звонок из автомата мог стоить 10 пф., а были в пивной автомат или обычный телефон, за пользование которым платили хозяину, — отдельный вопрос.

Groschen = 10 pfennig, 1924–1925

- ¹⁰ В стихотворении А. Липецкого «Пленная молния» (1916), телефон и трамвай перечислялись «в ряду электроновинок» (*Тименчик 1987*: 137).
- ¹¹ К телефонному топосу в одном из комментариев предлагается отнести еще одно место из «Еще далёко...»: «Целлулоид фильмы воровской — целлулоидный рожок; с его помощью можно было звонить по телефону-автомату, не опуская 15-копеечную (sic! — А. Ж.) монету; сообщено Н. Л. Поболем» (*Мандельштам 1990*, 1: 515; в других изданиях Мандельштама это сомнительное свидетельство не приводится).

- ¹² Согласно И. Т. Кокореву (1826–1853), в конце 1840-х гг. это была минимальная плата извозчику низшего разряда — *ваньке*, ср.: «Не таков извозчик-лихач. Не кочует он по улицам порожняком, не выезжает на промысле ни свет ни заря, не морит себя, стоя до полуночи из-за **гривенника**» (очерк «Извозчики-лихачи и ваньки», 1849, в его кн.: Москва сороковых годов. М.: Московский рабочий, 1959. С. 16.). В другом его очерке («Мелкая промышленность в Москве») сообщается, что «в обжорном ряду» на Солянке «на **десять копеек** можно иметь обед из трех блюд», а в семье мелкого частника «последний **гривенник** употребляется на покупку деревянного масла для лампы перед иконами, на свечку в божией церкви» (Там же, с. 10, 12).
- ¹³ См. *Мей Л. А.* Гривенник. *Неправдоподобное событие* // Проза русских поэтов XIX века / Сост. А. Л. Осповата. М.: Советская Россия, 1982. С. 264–280 (http://az.lib.ru/m/mej_l_a/text_0110.shtml); впервые: «Иллюстрация», 1860, т. 5, No 101, 102, 103, 104; от 7, 14, 21, 28 января, с. 6–7, 21–22, 38, 54.
- ¹⁴ «Самарская газета», 1896, номер 89, 23 апреля; Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1969. С. 439–442; http://home.mts-nn.ru/~gorky/TEXTS/STORY/PRIM/grvnn_pr.htm.
- ¹⁵ «Киевская мысль», 1916, номер 101, 10 апреля; Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Т. 14. М.: ГИХЛ, 1972. С. 442–453; <http://www.maximgorkiy.ru/print-sa-at-2693>.
- ¹⁶ Соображения, в свете общей семиотики денег, о прото-большевистской разработке в этих рассказах Горького традиционно романтического противопоставления «любовь/деньги» см. *Постоутенко 2003*: 86–97.
- ¹⁷ Опубл. посмертно: журнал «Байкал», 1973; <http://lib.misto.kiev.ua/IWANOWWS/grivv.txt>.
- ¹⁸ Возможность говорить о гривеннике как едином архетипическом предмете применительно к культуре 1860-х и 1930-х гг. опирается не только на единство слова и место гривенника в системе русских денежных знаков, но и на устойчивость его внешнего облика. «Монеты достоинством в 10 копеек не меняют своего диаметра на протяжении столетия. Так, 10 копеек времён Николая II, 10 копеек РСФСР 1921 г., а также советские монеты образца 1924, 1931, 1935, 1961 (в том числе и юбилейные обр. 1967 года) и 1991 гг., и даже монеты Российской Федерации обр. 1997 г. (с последующими изменениями) имеют одинаковый диаметр — около 17 мм.» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%B0>).
- ¹⁹ Ср. значительность серебряного гривенника в стихах из романа, написанного добрым знакомым Мандельштама Сергеем Клычковым, «Князь мира» (1928): *А и еся на свете царство доброе <...> Закоулочки выложены полтинниками, Четвертаками, пяталями, пяталями, А и для простаков мужиков Избы из медных пятаков, Для начальства, купцов да аршинников Из серебряных гривенников...*
- ²⁰ Ср. еще: С. А. Толстая, «История гривенника. Сказка.» (1910); Б. Житков, очерк «Гривенник» (1938).
- ²¹ Ср. позже, в воронежском стихотворении, тоже, кстати, начинающемся с «Еще не...», прямой выход на «нищенскую» тему:

Еще не умер ты, еще ты не один, Покуда с нищенкой-подругой Ты наслаждаешься величием равнин <...> В роскошной бедности, в могучей нищете Живи <...> И беден тот, кто, сам полуживой, У тени милостыню просит (1937).

- ²² «Сюжет рассказа — литературная обработка старинного поверья, изложенного в “Толковом словаре” В. И. Даля: “Неразменный рубль никогда не истощается; сколько ни меняй, ни издерживай его, он всегда при хозяине”» (*Лесков 1994*: 545; см. также статью НЕРАЗМЕННЫЙ в словаре Даля 2-е изд., т. 2, с. 533).
- ²³ «Звезда» (Пермь), 1926, 9, 11, 13 и 14 июля; Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. М.: Правда, 1986. С. 346–358; <http://www.kulichki.com/moshkow/GOLIKOW/gazeta.txt>.
- ²⁴ Д’Ивуа — псевдоним, настоящее имя — Paul Charles Philippe Eric Deleutre. В русском издании в качестве автора указан только д’Ивуа.
- ²⁵ О подражаниях этому роману Жюль Верна см. В. Бугров. По следам Филеаса Фогга (http://fandom.rusf.ru/about_fan/bugrov_10_1_2.htm). Подобным чтивом увлекался, например, юный Жан-Поль Сартр (1905–1980). «Мать пустилась на поиски книг, которые вернули бы меня моему детству; началось с «розовой библиотеки» ежемесячных сборников волшебных сказок, потом я перешел к «Детям капитана Гранта», «Последнему из могикиан», «Николасу Никильби», «Пяти су Лавареда». Излишней уравниловки Жюль Верна я предпочитал несурезицы Поля д’Ивуа» (Сартр, «Слова», раздел «Читать»); http://bookz.ru/authors/sartre-jan-pol/_sartre03/page-4-sartre03.html).
- ²⁶ Переизданный издательством «Вече» сто лет спустя, перевод 1908 г. снова в продаже (<http://www.labirint-shop.ru/books/177160/>). По книге Шабрийя и Д’Ивуа дважды снимались одноименные фильмы: в 1927 г. режиссером Морисом Шампрё (Champreux), а в 1939 г. — режиссером Морисом Каммажем (Cammage), с Фернанделем в заглавной роли.
- ²⁷ Су — медная монетка достоинством в 5 сантимов; пять монеток (возможно, по числу континентов, хотя Австралии и Антарктиды герои не посещают — эквивалент 25 сантимов.

5 centimes (= un sou), 1888

25 centimes (= cinq sous), 1903

- ²⁸ Жюльверновское условие уложиться в определенный срок дополнено, таким образом, твеновским — обходиться без денег.
- ²⁹ Современное русское название города — *Туркменабад*, туркменское — *Türkmenabat*, древнее название — *Амуль*. С конца XV в. до 1924 г., а также с 1927 по 1940 гг. город был известен как *Чарджуй* (от персидского چارچو — «четыре источника»). В 1924–1927 гг. город носил название *Ленинск* (-Туркменский), затем *Чарджоу*, в 1992–1999 гг. город назывался *Чарджев* (туркм. *Çarjew, Çarjewe*) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%B4>).

³⁰ Глубинное родство денег и ключа/замка отражено в поговорке: «С гривенки на гривенку ступает, полтиною ворота запирает», приводимой в словаре Даля (статья ГРИВНА; 2-е изд., т. 1, с. 395).

³¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA>.

³² <http://www.emc.komi.com/02/04/079.htm>.

³³ http://clubs.ya.ru/4611686018427398066/replies.xml?item_no=74474&ncrmd=5990.

³⁴ Убедительным свидетельством происшедшего в 1931 г. перелома в восприятии гривенника может служить еще один рассказ с гривенником в заглавии и эпиграфом из Мандельштама («...И вынул настоящий Он гривенник блестящий») — *Горнунг 2008*:

«Держу в руках два «беленьких» гривенника. Один с датой «1930», а на другом указан 1931-й г. Маленькие монетки по так называемой лицевой своей стороне почти совсем одинаковые — герб с тогда еще всего шестью лентами, символизовавшими республики, и круговая надпись <...> «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Другая сторона <...> была совсем разной. На более старой в обрамлении колосьев указаны лишь номинал — «10 копеек» — и дата. На гривеннике же, что на год моложе, по кругу шла надпись «Союз Советских Социалистических республик», а в центре была фигура «пролетария». Почему-то он держал молоток левой рукой, а правой поддерживал щиток, на котором был сокращенно обозначен номинал — «10 коп.», а над ним мелкими цифрами стояла дата — «1931 г.» <...> Был конец весны или начало лета 193-го г. Мне было <...> уже почти пять лет».

Далее следует рассказ о поездке с отцом на Воробьевы горы, переправе через Москву-реку на лодке и характерной сценке, происшедшей при уплате за перевоз:

«Выбор отца пал на немолодого лодочника, похожего на Льва Толстого <...> Старик <...> довольно угрюмо пробасил, что деньги берет за обоих и сразу <...> Отец <...> вынул гривенник, новенький, с пролетарием-левшой <...> протянул монетку старику, который посмотрел на нее и тут же вернул отцу, мрачно сказав: «Не тот гривенник!»

Отец <...> изумленно спросил <...> «А что значит не тот?» — «Нам не железо нужно, — отвечал тот, — а металл, серебро, да-с, а это что — железо!» Отец никак не мог придать значения тому, что с выпуском в 1931 г. новой мелкой монеты из никелевого сплава закончилась эра серебряной мелочи, возрожденной в годы Нэпа. Как и дореволюционная монета, советская «мелочь» с 1921 по 1930-й была из низкопробного серебра — «билона», наполовину состоящего из меди. Но все-таки для многих, как и для нашего лодочника, это была вполне достойная монета. И если бы левшу с молотком отчеканили «в серебре», то вряд ли старик и ему подобные обратили бы внимание на облик новых монет <...> Отец как-то вышел из положения, то ли нашел «серебряный» гривенник, то ли набрал десять копеек «медью». Но фраза «Не тот гривенник» врезалась у меня в память. И вся эта история вспомнилась особенно отчетливо, когда я совершенно неожиданно наткнулся на строки, приведенные в эпиграфе» (*Горнунг 2008*: 33–34).

Гривенник 1931 г., описанный М. Б. Горнунгом

Любопытно, что эпиграфом к своему воспоминанию, Горнунг (1926–2009) взял строки из «Мальчика в трамвае» (1926), написанного в год его рождения, когда *гривенник блестящий* не мог мыслиться противопоставленным какому-то другому, не блестящему, а не из «Еще далёко мне до патриарха...», написанного в те же месяцы, что эпизод с лодочником, и, по-видимому, более релевантного по существу. Кстати, отец мемуариста, Б. В. Горнунг (1899–1976), был знакомцем Мандельштама, и следом одной из их совместных прогулок стало дружеский экспромт «У вас в семье нашел опору я...» (1927; опубл. 1990 по архиву Б. В. Горнунга; *Мандельштам 1990*, 2: 353, 602).

Роман Тименчик
(Иерусалим)

Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (к вопросу о технических проблемах комментирования)

Очередную подборку справочных заметок об именах, встречаемых на страницах рабочих блокнотов Ахматовой [1], следует, вероятно, сопроводить напоминанием о причинах появления и предназначении такого рода справок. Начать с того, что в единственном печатном издании этих записных книжек, на которое мы здесь (но и все коллеги, пишущие об Ахматовой) ссылаемся, комментарий отсутствовал, а некоторые имена не были объяснены никак — из упомянутых ниже, например «Гавриил Попов» и «Полетаев» (вероятно, из-за наличия однофамильцев — Гавриила Харитоновича Попова, общественного деятеля, и пролетарского поэта Н. Г. Полетаева). Некоторые неверные конъектуры впоследствии были развернуты в исследовательские нарративы, например:

«*Вы отсюда куда? — // «Бог весть!»* — Ахматова не раз замечала, что И. Бродский связывал этот диалог с повестью Пушкина «Гробовщик» (1830), где к хозяину без приглашения являются некогда снаряженные им в последний путь непрошеные гости» [2]. Источник ошибки — неверное раскрытие сокращения в записи августа 1962 г.: «Бр. сказал, что Поэма (I-ая главка) напомнила ему “Гробовщика” Пушкина» (С. 245). Речь шла не об И. А. Бродском, а о соседе по писательским дачам Илье Яковлевиче Бражнине (1898–1982), который 14 лет спустя обнародовал запись этого разговора 17 августа 1962 г. [3] и других бесед с Ахматовой.

Отсутствие комментария не только ставит под вопрос всю проделанную работу по составлению именного указателя, но и лишает издание выражения публикаторской воли, каковая облагается должностными предписаниями, в частности, — играть упреждающую роль в виду легко предсказуемых форсированных интерпретаций. Так, связь фразы в либретто по «Поэме без героя» — «Маг предлагает всем, чтобы узнать свое будущее, стучать в страшную дверь» — с записью рукой другого лица «*So rocht das Schicksal an die Pforte. Beethoven*» [Так судьба стучится в дверь] (С. 125) представлялась бы менее обязательной [4], если